

А.Х. Абдульманова

ДИНАМИЧЕСКАЯ НОРМА via ДИНАМИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ? (опыт сопоставления несопоставимого)

В период, предшествующий становлению национального литературного языка, особое значение приобретает проблема вариативности, так как именно в этот момент происходит отбор и закрепление единиц, оцениваемых как литературные нормативы. В связи с этим описание вариативности языка преднормативного периода является особенно актуальным, поскольку оно дает возможность воссоздать картину состояния языка в момент, предшествующий его кодификации, что, в свою очередь, помогает в исследовании принципов отбора вариантов, приобретающих со временем статус нормативных.

Говоря о норме, необходимо дать ее определение. «Норма – это существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива модели языковых единиц и закономерности их употребления, причем эти обязательные единицы могут быть единственно возможными либо выступать в роли сосуществующих в пределах литературного языка вариантов»¹.

Норма реализуется в коллективной речевой практике, в нее входит то, что принято коллективом. Индивидуальные, противоречащие общепринятым реализации оказываются за пределами нормы. Тем не менее не следует понимать языковую норму как незыблемый свод правил, всякое отклонение от которого неизбежно ведет к «погрешностям» в использовании языка. Не говоря уже об исторической изменчивости языковой нормы, необходимо иметь в виду, что в действительности языковая норма не существует как некий монолит, а представлена «совокупностью целой сети частных норм (устно-разговорная норма, литературная норма, социальная норма, индивидуальная норма и др.)»², а, соответственно, и вариантов.

Проблема отбора вариантов получает отражение в работе американского лингвиста Дж. Ф. Крэппа³. Описывая современное ему состояние английского языка, Крэпп последовательно проводит мысль о необходимости разграничения «хорошего» и «плохого» английского языка (“good and bad English”). «Хорошим» он называет язык, который удовлетворяет своей основной функции, а именно способствует полноценному общению и взаимопониманию коммуникантов. Наиболее полно соответствовать своей основной функции может только «естественный устный язык» (“natural spoken language”)⁴, т. е. язык нормативный. Единственный возможный способ установления норм определенной социальной группы – это наблюдение за речью окружающих. Наблюдение предполагает отбор индивидуальным говорящим тех форм, которые существуют в реальном устном общении той или иной группы коммуникантов, поскольку только в реальном устном общении и существует язык.

Таким образом, вполне очевидно, что при определении всеобщей языковой нормы следует опираться на естественную устную речь, которая динамична по своей природе (следовательно, и норма, реализуемая в речи, тоже динамична).

В отечественной лингвистике понятие динамической нормы обосновывалось и разрабатывалось в работах Л.И. Скворцова, Г.В. Степанова и Л.П. Ступина⁵.

Обосновывая концепцию «динамической нормы» на материале современного русского языка, Л.И. Скворцов специально оговаривает тот факт, что для ее определения необходимо опираться на речь, что полностью совпадает с выводами Крэппа. Рассматривая речевую деятельность, Л. И. Скворцов отмечает, что «на уровне речевой деятельности, или уровне нормы, можно говорить, по-видимому, о норме воплощенной (реализованной) и невоплощенной (потенциальной, реализуемой). Вторая творится с учетом первой, подравниваясь под нее»⁶.

Реализованная норма в концепции Скворцова состоит из двух частей:

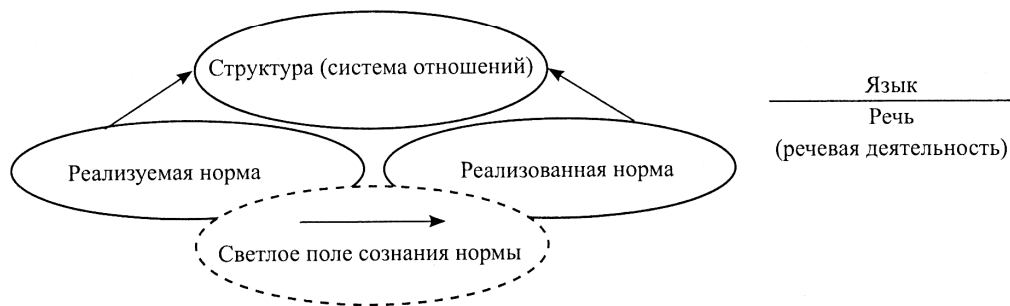
- 1) актуализованная часть (современная, активно действующая, осознаваемая и практически кодифицированная);
- 2) неактуализованная часть (куда включаются уходящие архаизмы, редко встречающиеся варианты, дублеты и т. п.).

Реализуемая норма, в свою очередь, также распадается на две части:

- 1) становящиеся нормой неологизмы и новообразования на разных уровнях языка;
- 2) принципиально некодифицируемая область речевой деятельности (окказионализмы или создаваемые к случаю необходимые в процессе общения образования).

Каждая из двух частей подтипов нормы противопоставлена по степени актуализованности, осознанности говорящими. Актуализованные части реализованной и реализуемой нормы составляют «светлое поле сознания нормы» – ядро динамически понимаемой структуры нормы.

Схематически это может быть представлено следующим образом:

Стрелки указывают отношения обусловленности (детерминированности); области пересечения кругов – это актуализованные области норм.

Из этой схемы, по нашему мнению, можно вывести ряд принципиальных следствий.

1. Понятие нормы обязательно включает потенциальную сферу.
2. Реализованная норма является односторонне обусловленной (детерминирующей сферой); реализуемая норма – двусторонне обусловленной (детерминируемой) сферой.
3. Принцип коммуникативной целесообразности (соответствие ситуации и цели общения) одинаково применим в обеих сферах, но для реализуемой нормы он оказывается конституирующим.

4. Норма не может быть задана конечным набором фактов. Она выступает в виде двух списков – обязательного и допустимого (дополнительного). Это – источник нормативной вариативности, т. е. вариантов в пределах нормы.

Предлагаемая схема снимает возможность представить норму в качестве некоего недостижимого образца или идеала. Она справедлива для всех случаев нормы (устоявшегося узуса), которая возможна и вне пределов собственно литературной речи (с ее понятиями авторитета, образцовости, традиционности и т. п.).

Исходя из вышеизложенного, можно выделить основные достоинства предложенной автором схемы: 1) фиксированность реализованной нормы, 2) двоякую ориентированность реализуемой, создаваемой вновь нормы – с одной стороны, не зависимость от старой нормы, с другой – построение по системным отношениям.

При описании некодифицированного языка предлагаемая концепция позволит обосновать и «вывести» динамическую норму, т. е. своего рода «инвариант» нормы. Наиболее емкое, с нашей точки зрения, определение инварианта было предложено И. Э. Клюкановым: «Инвариант – это абстрактная единица, принадлежащая языку как системе знаков, где вариантами называют материальную реализацию инварианта в речи»⁷.

Таким образом, Л.И. Скворцов предлагает следующее определение ДИНАМИЧЕСКОЙ нормы: «Языковая норма, понимаемая в динамическом аспекте, есть обусловленный социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка с одной стороны, так и с реализованными образцами с другой»⁸.

Предметом нашего исследования является глагольная динамическая норма среднеанглийского языка. Английский исследователь М. Сэмюэлз выделяет четыре основных типа письменного стандарта языка Лондона конца XIV – начала XV вв.⁹

При анализе произведений Чосера («Кентерберийские рассказы», «Троил и Крессида», «Трактат об астрологии») нами зарегистрированы некоторые вариативные флексии различных глагольных форм, в частности:

- 1) форм настоящего времени третьего лица единственного числа: -th, -ith, -eth;
- 2) форм причастия второго правильных глаголов: -id, -ed¹⁰;
- 3) вариативные формы прошедшего времени и причастия второго неправильных глаголов.

В данной статье мы приведем пример с глаголом *tellen* ‘рассказывать’, поскольку это один из самых распространенных глаголов (155 случаев употребления форм прошедшего времени и причастия второго в четырех крупных произведениях: «Кентерберийские рассказы», «Легенда о славных женщинах», «Троил и Крессида», «Дом славы»).

Формы прошедшего времени

1 л. ед. ч.	tolde	1 л. мн. ч.	–
2 л. ед. ч.	–	2 л. мн. ч.	–
3 л. ед. ч.	tolde	3 л. мн. ч.	tolden/tolde

Очевидно, отсутствие форм 2 л. ед. ч., а также форм 1 и 2 л. мн. ч. можно объяснить особенностью указанных произведений, в которых повествование ведется, как правило, одним рассказчиком от первого или от третьего лица.

Приведем некоторые примеры.

(1) Alla the kyng comth hoom soone after this
Unto his castel, of the which **I tolde**...
(The Man of Law's Tale, 877)

Король Алла приезжает домой вскоре после этого
К себе в замок, о котором **я рассказав**...

(Рассказ Юриста)

(2) **He tolde** Alla how that this child was
founde.

(The Man of Law's Tale, 1022)

Он рассказал Алле, как был найден этот
ребенок.

(Рассказ Юриста)

К зарегистрированным формам 3 л. мн. ч. относятся:

(3) **They tolden** every man that he was wood...

(The Miller's Tale, 3833).

Они рассказали всем, что он сумасшедший...

(Рассказ Мельника)

Окончание -en для данной формы закономерно¹¹, однако примеры подобного рода весьма малочисленны (2 случая из 65 форм прошедшего времени глагола *tellen* в «Кентерберийских рассказах»), что говорит о постепенном их вытеснении формами на -e¹²:

(4) Diverse **men** diversely hym **tolde**
Of mariage manye ensamples...

(The Merchant's Tale, 1469)

Разные **люди рассказывали** ему разные многие
Примеры о женитьбах...

(Рассказ Купца)

Формы причастия второго следующие:

(5) Thus hath **he** falsly jugged the to-day –
And **tolde** hire al the cas, as ye before
Han herd...

(The Physician's Tale, 228–229)

Так **он** ложно рассудил о сегодняшнем дне
И **рассказал** ей все, как вы слышали...

(Рассказ Доктора)

And thus they been accorded and ysworn
To wayte a tyme, as **I** have **told**.

(The Miller's Tale, 3302)¹³

И так они договорились и поклялись
Подождать некоторое время, как **я рассказав**.

(Рассказ Мельника)

Как видим, глагольные флексии в языке среднеанглийского периода разнообразны, что делает актуальным определение его динамической нормы.

Поскольку произведения Чосера до сих пор пользуются необычайным интересом не только у филологов и лингвистов-исследователей, но и у обычных читателей, особенно в англоязычных странах (см. многочисленные переиздания, предлагаемые на сайтах книжных Интернет-магазинов), то и вопрос эквивалентного перевода (в частности на современный английский язык) становится не менее актуальным.

Существующие сегодня «переводы» – это несколько сокращенные, снабженные многочисленными комментариями, а иногда и подстрочными переводами издания, ориентированные на массового читателя, в которых значительно упрощено написание и внесены некоторые правки упрощающего чтение и понимание характера, т. е. это, собственно, адаптации, переложения, а не переводы как таковые. Можно утверждать, что такие переложения выполняются «в рамках» формальной эквивалентности.

Формальная эквивалентность, как ее определяет Ю. Найда, ориентирована на оригинал и имеет целью обеспечить возможность непосредственного сопоставления текстов. Подобная эквивалентность достигается обязательным сохранением части речи при переводе, отсутствием членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранением пунктуации, разбивки на абзацы, а также применением принципа конкорданса (т. е. перевода определенного слова всегда одним и тем же соответствием).

Для примера сравним два отрывка из разных изданий «Кентерберийских рассказов»: первый – из издания под редакцией В.В. Скита, считающегося до сих пор, пожалуй, самым авторитетным исследователем Чосера¹⁴, второй – из более современного издания, выпущенного в серии «Penguin Popular Classics» в 2002 г.¹⁵

<i>Skeat W. W.</i>	<i>Robinson F. N.</i>
The Miller's Tale (3187–92) Whilom <u>ther</u> was <u>dwellynge</u> at <u>Oxenford</u> A riche gnof, that <u>gestes heeld</u> to bord, And of his craft he was a carpenter. With <u>hym ther</u> was <u>dwellynge</u> a <u>poure scoler</u>, <u>Hadde</u> lerned art, but al his <u>phantasye</u> Was turned for to lerne astrologye...	The Miller's Tale Whilom <u>there</u> was <u>dwelling</u> at <u>Oxenford</u> A riche gnof, that <u>guestes held</u> to bord, And of his craft he was a carpenter. With <u>him there</u> was <u>dwelling</u> a <u>poor scholar</u>, <u>Had</u> lerned art; but all his <u>fantasye</u> Was turned for to lerne astrologye...

Налицо реализация «правил» формальной эквивалентности наряду с упрощением написания, которое приближает второй отрывок к современной орфографической норме.

Согласно концепции динамической эквивалентности Ю.А. Найды задача перевода состоит в создании на языке перевода «наиболее близкого естественного эквивалента»¹⁶, который достигается за счет «употребления» динамической эквивалентности при переводе. Динамическая эквивалентность ориентирована на реакцию рецептора и стремится обеспечить равенство воздействия на читателя перевода. Это предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, как автор написал бы на ином языке.

Таким образом, в связи с темой нашего исследования возникает вопрос о том, следует ли пытаться передать вариативные глагольные флексии средствами современного языка для соблюдения принципа динамической эквивалентности и адекватного восприятия рецептором содержания переводимого произведения.

По нашему мнению, связь между динамической нормой и динамической эквивалентностью выражается в том, что варьирующие единицы по-разному воспринимаются рецептором, что ведет к созданию разных образов в его сознании. Отсюда у переводчика возникает необходимость выбора адекватных средств для передачи содержания переводимого текста, т. е. для достижения максимальной эквивалентности ему необходимо «поставить себя на место» автора переводимого произведения.

К сожалению, приходится признать, что сохранение архаичных вариативных флексий в полном объеме не представляется возможным, поскольку это противоречило бы нормам современного английского языка и совершенно разрушило бы адекватность восприятия, так как читать неадаптированный текст Чосера без каких-либо затруднений может только подготовленный специалист.

Тем не менее в последнее время появляются переводы некоторых творений Чосера на современный английский язык¹⁷, в которых (конечно же!) делаются попытки сохранить архаичность стиля произведения. Вполне естественным следует признать употребление с этой целью лексических средств. Приведем пример перевода того же отрывка из «Рассказа Мельника», который был выбран нами как очень показательный в этом отношении:

Once on a time was **dwelling** in Oxford
 A **wealthy lout** who took in **guests** to board,
 And of his craft he was a carpenter.
 A **poor scholar** was lodging with **him** there,
 Who'd **learned** the arts, but all his **phantasy**
 Was turned **to study** of astrology¹⁸...

Наряду с современной лексикой употребляется и устаревшее написание “phantasy” вместо «fantasy». Однако в данном отрывке, как нам кажется, можно было бы употребить и

некоторые грамматические средства архаизации, в частности инверсию в четвертой строке, что еще более приближало бы перевод к оригиналу, а соответственно делало бы его более эквивалентным, не нарушая возможностей рецептора адекватно воспринять этот текст.

Приходится также констатировать, что, несмотря на практически всеобщее признание теории динамической эквивалентности Ю.А. Найды, ее применение может ограничиваться некоторыми объективными факторами (в нашем случае это «угроза» нарушения нормы современного языка, что совершенно неприемлемо при переводе). В такой ситуации перед переводчиком стоят две задачи – сохранение архаичности текста и «донесение» понятного рецептору современного варианта перевода, к решению которых в каждом отдельном случае необходимо подходить индивидуально.

¹ Ицкович В.А. Языковая норма и проблемы кодификации современного литературного русского языка: Автореф. докт. дис. М., 1981.

² Маковский М.М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология. М., 2005.

³ Krapp G.Ph. Modern English: its growth and present use. New York, 1966.

⁴ Ibid. P. 13.

⁵ Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 2004; Скворцов Л.И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи: Сб. статей / Под ред. В.Г. Костомарова, Л.И. Скворцова. М., 1970; Стыпин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии XV–XX в. Л., 1979.

⁶ Скворцов Л.И. Указ. соч. С. 47–48.

⁷ Клюканов И.Э. Семантическая вариативность и семантическая инвариантность // Вариативность в германских языках. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. Калинин, 1988. С. 152–154.

⁸ Скворцов Л.И. Указ. соч. С. 53.

⁹ См. описание его работ в кн.: Horobin S. The language of the Chaucer tradition. Cambridge, 2003.

¹⁰ Особенности употребления и написания данных форм и связанные с этим проблемы проанализированы в предыдущих наших статьях в сборниках конференций «Англистика–2006» и «XXXV Филологические чтения», проходивших в Санкт-Петербургском государственном университете в январе и марте 2006 г. На момент написания настоящей статьи сборники находятся в печати.

¹¹ Подробнее см.: Wright J., Wright E.M. An Elementary Middle English grammar. London, 1934.

¹² Причины этого явления анализировались в указанных выше работах, поэтому здесь нет необходимости подробно останавливаться на них.

¹³ См. прим. 12.

¹⁴ Skeat W.W. The Complete works of Geoffrey Chaucer. Ed. from different mss. Oxford, 1915.

¹⁵ Основой для издания “Chaucer G. The Canterbury Tales. A selection. Penguin Popular Classics, 2002” послужила более ранняя редакция произведений Чосера, а именно: Robinson F.N. The Complete works of Geoffrey Chaucer. Student’s Cambridge edition. London, 1957.

¹⁶ Цит. по: Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М., 1999.

¹⁷ В частности, совсем недавно на сайте <http://www.island-of-freedom.com/CHAUCER.HTM> был выложен перевод «Кентерберийских рассказов» на современный английский язык (автор Д.У. Николсон).

¹⁸ Текст перевода взят с указанного выше сайта.

Статья принята к печати 20 ноября 2006 г.